

Бурцева Марина Анатольевна

ФАБУЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОВЕСТИ-ПРЕДАНИЯ П. А. ОЙУНСКОГО "КУДАНГСА ВЕЛИКИЙ"

В статье проводится фабульный анализ повести-предания классика якутской литературы П. А. Ойунского "Кудангса Великий" в соответствии с системой сюжетного развития художественного текста. Последовательно выделяются фазы обособления, установления партнерства, смертельного испытания, преобразования. Использование при исследовании произведений национальной якутской литературы классических сюжетных схем позволяет полнее раскрыть, не только их общечеловеческий пафос и гуманистическую направленность, но и идейно-художественное и национальное своеобразие.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/5-2/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (47): в 2-х ч. Ч. II. С. 22-25. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82.31

Филологические науки

В статье проводится фабульный анализ повести-предания классика якутской литературы П. А. Ойунского «Кудангса Великий» в соответствии с системой сюжетного развития художественного текста. Последовательно выделяются фазы обособления, установления партнерства, смертельного испытания, преобразования. Использование при исследовании произведений национальной якутской литературы классических сюжетных схем позволяет полнее раскрыть, не только их общечеловеческий пафос и гуманистическую направленность, но и идейно-художественное и национальное своеобразие.

Ключевые слова и фразы: фабула; сюжет; якутская литература; повесть-предание; система сюжетного развития; главный герой.

Бурцева Марина Анатольевна, к. филол. н.

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова
donnarosa36912@mail.ru

**ФАБУЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОВЕСТИ-ПРЕДАНИЯ
П. А. ОЙУНСКОГО «КУДАНГСА ВЕЛИКИЙ»[©]**

В Литературной энциклопедии фабула художественного произведения определяется как фактическая сторона повествования, т.е. события, случаи, действия, состояния в их причинно-хронологической последовательности и, таким образом, отличая ее от сюжета, в котором указанные элементы komponуются и оформляются автором на основе закономерностей, усматриваемых автором в развитии изображаемых явлений [2]. Еще более четко различие между фабулой и сюжетом устанавливалось Б. В. Томашевским: «Фабулой называется совокупность событий, связанных между собой, о которых сообщается в произведении... Фабуле противостоит сюжет: те же события, но в их изложении, в том порядке, в каком они сообщены в произведении, в той связи, в какой даны в произведении сообщения о них» [5, с. 119].

В. И. Тюпа выделяет общую четырехфазную модель фабульной организации художественного текста: «с точки зрения исторической поэтики гораздо эффективнее при анализе сюжета с оригинальной фабулой (не говоря уже о фабулах традиционных) пользоваться системой исторически сложившихся фаз сюжетного развертывания текста». В число этих фаз входят последовательно: фаза обособления, фаза партнерства, лиминальная фаза испытания смертью и фаза преобразования [6, с. 39].

Объектом анализа фабульной организации художественного текста выступает повесть-предание классика якутской литературы П. А. Ойунского «Кудангса Великий» (1929), которое, наряду с самыми значительными произведениями писателя – поэтическими драмами «Красный Шаман» и «Гуйарыма Куо», эпической поэмой «Нюргун Боотур Стремительный» – так или иначе связано с якутской мифологией, с сюжетикой и поэтикой олонхо и выделяются в самостоятельное стилевое направление в творческом наследии писателя [1, с. 134].

Основой сюжета повести Ойунского послужила рукопись «Кудангса» – предание, записанное этнографом и фольклористом П. В. Слепцовым [4, с. 122]. В предисловии к повести Ойунский писал: «Время, в котором жил Кудангса – должно быть, время до Петра Великого. Это сказание очень хорошо показывает жизнь якутов того времени, когда, с каких пор она изменилась. Поэтому тем, кто занимается историческими исследованиями прошлого якутов, это сказание должно дать много сведений» [3, с. 3].

В центре повести Ойунского находится судьба правителя Кудангсы Великого: жил материнский род Кудангсы богато и привольно, на плодородных землях его паслось много скота, и жизнь людей протекала спокойно и счастливо. Сам же он, ставя себе в заслугу процветание и благополучие рода, возмнил себя первым среди людей и потому провозгласил себя правителем всего народа. Но вот внезапно на земле наступил лютый холод: «Умерцвляя ледяным дыханием теплый воздух, хрипя и изрыгая вихри снега, нагрязнула госпожа зима. Ярче засветилась звезда Чолбон, наступили трескучие морозы; затем с запада стремительно обрушился поток холода; после чего с севера с колдовской силой завихрилась пурга, закружила вьюга; потом с востока неудержимо двинулась, пронзительно свистя, лютая стужа; за ней с юга, словно голодный волк, громко воя и рыча, с невероятной силой налетел страшный ветер» (перевод А. Борисовой) [Там же, с. 6].

Согласно объяснению шаманов и гадалок, случилось это из-за того, что увеличилась в размерах звезда Чолбон (Венера). Народ стал умолять Кудангсу найти путь к спасению, а он, в свою очередь, обращается к шаману Чачыгыр Таас с просьбой разрубить звезду на части. Шаман предупреждает Кудангсу о страшных последствиях, к которым может привести подобный поступок, но все же уступает его воле и выполняет поручение. Сначала все идет так, как было задумано: холода отступили, зима стала мягче... Но затем случился страшный мор и погибло еще больше людей: «Не обошел он ни одной семьи, не оставил в стороне ни одного человека, вспыхнула тяжелая болезнь, называемая напастью верхнего мира. Судя по слухам, не было семьи, где не умер человек; некоторые семьи вымирали полностью, навсегда закрывалась дверь их дома, угасал очаг, покрывались холодным инеем углы их жилищ...» [Там же, с. 13].

Снова соплеменники обращаются к Кудангсе с просьбой отвести беду. После долгих раздумий Кудангса решает породниться с племенем нечистых духов, выдав замуж единственную дочь за сына и женив первородного сына на дочери Великого Суоруна – главы бесовского рода. В обмен на неслыханную жертву он ждет милости для своего народа и прекращения смертельного мора. Однако все было напрасно – дети гибнут, а вместе с ними и лучшие люди рода.

Народ отвернулся от своего родоначальника, и Кудангса, покинутый всеми и доведенный до отчаяния, обращается к шаману Чачыгыр Таас с последней просьбой: добыть для него огненный меч, выкованный кузнецами Нижнего мира и обладающий волшебной силой – способностью наносить удары сам по себе, без участия человека. Меч нужен ему, немощному и слабому, чтобы добывать пропитание, так как сам он уже не в силах делать это. По роковой случайности, пытаясь отогнать назойливого слепня, Кудангса взмахнул мечом, и острое лезвие снесло ему голову. Таков был страшный конец прославленного Кудангсы Великого.

Согласно предложенной В. И. Тюпой модели фабульной организации художественного текста для повести Ойунского первой фазой **обособления** выступает характеристика главного героя – Кудангсы Великого – в категории избранничества, в качестве выдающейся, монументальной личности. Уже его имя свидетельствует о высочайшем статусе, которым он обладает среди своего народа. Также обращает на себя внимание первое упоминание о нем в тексте – описание будущей судьбы якутского правителя в обход развертывания сюжетной линии: *«И такой могучий духом, дерзкий умом, безрассудно смелый человек жил, говорят, на вершине тех давних лет, на излете былой той жизни, и звали его Великий Кудангса славный. За что и поплатился он и предан был проклятию, отвержен. С душой его не совладал шаман, и тело его не приняла земля»* [Там же, с. 4].

Таким образом, идея об исключительности сохраняется на протяжении всего повествования и даже после окончания земной жизни Кудангсы. Величественность его помыслов и деяний в итоге оборачивается катастрофой, утратой загробного упокоения, что в итоге можно расценивать как исключительность особого рода.

Личностный статус правителя Кудангсы в повести является выдающимся во всех отношениях. Таковы, прежде всего, его человеческие качества: *«В такие дни, в такие годы знаменитый из всех саха, именитый из всех людей, дерзкий в поступках, смелый умом, могучий духом Великий Кудангса жил, говорят, в достоинством среднем мире»* [Там же, с. 5].

Соответствующим является и его материальный достаток: *«Табуны долгогривых лошадей рода развелись в великом множестве, заполнили все девять верховьев рек, тучным стадам коров тесно было в обширных аласах, развелось их несметно по всем восьми верховьям рек; Великий Кудангса потерял счет пугливым белым скакунам своим, необъезженным черным скакунам своим. Такое большое богатство, громадное состояние, несметная живность были у него»* [Там же, с. 6].

Величественность фигуры Кудангсы распространяет свое влияние и на соплеменников: *«...люди Кудангсы превосходили всех во всем; их громкая слава, подобно звонкому ржанию быстроногого иноходца, разнеслась, разлетелась во всем восьми путям-дорогам земным, молва о них, подобно торжествующему реву быка-шестилетки, разошлась по всем девяти путям-дорогам земным. Быстрые, ловкие, сноровистые, стройные бегуны – обладатели сильных рук, крепких ног, гибкого стана, широких плеч, цепких, длинных пальцев, мускулистые, рослые, лучшие из саха рождались и жили, оказывается, только в роду Великого Кудангсы»* [Там же].

Его род также доминирует среди других родов, вызывая безоговорочное признание превосходства и благоговейный трепет: *«Потому соседи дальние и ближние, даже богатые роды, все как один были напуганы, изумлены чрезвычайно, боялись переступить, перейти ненароком дорогу Великому Кудангсе – стоило ему поднять глаза, они опускали взгляд долу, никто не смел слова перечить, так и жили»* [Там же].

Завершающим и закономерным итогом, апофеозом успеха этой безусловно выдающейся личности, является его самосознание, утверждение в статусе собственной исключительности, осененной, помимо прочего, божественной благодатью: *«“В этом освещенном солнцем, светлом, восьмистороннем, полном-спора-раздора мире, видно, предназначен быть главой всех саха по велению Одун Хаана, по указанию Дьылга Тойона, по назначению Чингис Хаана – я, Великий Кудангса”, – подумал он о себе и крепко поверил в это»* [Там же].

Впоследствии именно положение избранника судьбы станет причиной обращения к Кудангсе его подданных перед лицом смертельной опасности, что было обусловлено не только его статусом правителя, но и, в большей степени, обожествлением его личности, наделением сверхчеловеческой силой и властью над роком: *«Так вот, глава наш, великий тойон-господин! Сверхи благое! Найди спасительный совет, избавляющий нас от гибели! Должно быть, Одун Хаан сделал тебя, Чингис Хаан направил тебя, Дьылга Тойон сотворил тебя для того, чтобы ты стал спасителем и защитником саха в этом среднем мире! Кто, коль не ты, спасет нас!»* [Там же, с. 7].

В качестве второй фазы – **партнерства** – выступает установление новых межсубъектных связей, в частности обретение героем «помощников» и / или «вредителей» [6, с. 39]. Для Кудангсы Великого таким партнером становится шаман Чачыгыр Таас, к которому правитель обращается с просьбой расколоть смертоносную звезду Чолбон: *«Вот если б великий шаман, подобный тебе, разбил, распилил и спустил бы вниз эту горящую ярким огнем великую звезду – отломился бы рог у свирепого мороза, ослабла бы мощь его и имеющий облик человеческий бедный саха ступил бы на будущее раздолье зеленое, ожил бы, раздобыл, разбогател бы снова...»* [3, с. 8].

На этом этапе фабульного развертывания нередко имеют место отрицательные примеры жизненного поведения [6, с. 39]. Подобная ситуация неудачного установления партнерских отношений разворачивается в повести Ойунского. На просьбу Кудангсы шамана Чачыгыр Таас отвечает решительным отказом: *«Прочь-прочь! Не говори так!.. Ты ведешь речи, не подобающие человеку – эта звезда Чолбон с давних-древних*

времен, с сотворения небес, с сотворения мира высокого светлого неба неотъемлемая часть. Если всякий – только потому, что погибает его живность, разведшаяся в несметном количестве, будет рушить устой мироздания, менять вселенную, украдкой, обманом рубить звезду – это станет страшным грехом, который не вынесет земля, не примет небо... Не произноси греховные речи!» [3, с. 8].

Причиной отказа, как видим, становятся не индивидуалистические мотивы, но забота о сохранении мирового порядка и, в конечном итоге, о благополучии самого Кудангсы. Таким образом, со стороны шамана задача «помощника», в данном случае, добродетельного советчика, исполняется в полной мере. Виновником искажения этой функции становится сам главный герой, который, ослепленный собственным величием и неспособный оценить последствия своих греховных поступков, готов силой заставить Чачыгыр Таас исполнить повеление: «Не для того позвал я тебя, чтобы отверг ты мое поручение, мои столь выстраданные, смиренные речи... Заставлю-таки тебя разрубить звезду Чолбон, хочешь ты того иль не хочешь... Скажи прямо, будешь камлать иль нет! Я покажу, как ломаться, искать повод, я тебя выправлю, располокую спину – враз шелковым станешь!» [Там же, с. 9].

И вот уже отвергнутый помощник, хорошо зная характер своего правителя, не находит в себе сил для повторного отказа: «И прежде слышал он, что Великий Кудангса славный, если решится, то ни за что не отступит, коль откажут ему, так исполосует плетью спину, что через ребра будет видна набухшая вена, так исхлещет кожу, что вывалится наружу черная печень» [Там же].

В качестве особой формы ложного партнерства в повести Ойунского можно рассматривать период иллюзий и заблуждений, в которых пребывает правитель Кудангса после исполнения шаманом его приказа. В этот момент герой, будучи неспособен объективно оценить собственный статус в окружающем мире, переживает вторую стадию установления ложных связей, искаженного восприятия действительности. Тотальной (и ложной) переоценке подвергается все, что до этого являлось основой его человеческого миропонимания, начиная с оценки своих поступков: «Я хоть и велел разрубить эту мерцавшую великую огненную звезду Чолбон, украшавшую собой вселенную – вместо вины возросло, восславилось имя мое, умножились богатства народа моего, свершенное добро оказалось не чуждо ни племени светлого мира, ни племени злых духов. Оттого никак не могло быть в том никакой вины-греха...» [Там же, с. 12], включающих абсурдные рассуждения о «непрозорливости» вещей шаманов, которым по статусу положено видеть будущее, понимать вещи и явления, недоступные обычному человеческому сознанию: «Бедняжки шаманы, имея ум короткий, сердце пугливое, не могут они видеть глубоко, не прозорливы, потому несправедливы ко мне» [Там же] и заканчивая собственной сущностью, человеческими способностями: «...надумал он думу неведомую еще мозгу двуногого, понял то, что не понято им, чудо-чудное выдумал, на диво-дивное вознамерился» [Там же, с. 13].

Закономерным итогом чудовищных заблуждений Кудангсы становится вторая волна смертельного мора и установление нового ложного – на этот раз истинно губительного – партнерства с племенем нечистых духов: «Потому мне, человеку, слывущему великим главой этого среднего мира, остается только одно – породниться с главой бесовского племени высокого бурлящего неба <...> Дочь его взять в жены сыну моему, а сыну его отдать дочь мою – выходит, только так и следует поступить мне, придется породниться с ними...» [Там же, с. 14].

Лиминальной фазой испытания смертью для Кудангсы оборачивается прибытие посланников нечистой силы, сопровождавшееся наступлением темноты в неурочное время и распространением жуткого зловония: «Девятого дня девятого месяца уж в полдень на макушки деревьев пала легкая тень. С юга, из-под высокого белого неба, дохнуло прогоркло-тухлым смрадом – чем ближе клонился день к вечеру, тем тяжелее становилось зловоние; дома-жилища, утварь-постройки – все погрузилось в сумрак» [Там же, с. 19].

В. И. Тюпа указывает на то, что лиминальная фаза развертывания фабулы может представлять не только как смертельное испытание главного героя, но и редуцироваться до встречи со смертью в той или иной форме (утрата близкого существа или зрелище чужой смерти) [6, с. 39]. В повести Ойунского фигурирует такое соприкосновение со смертью, когда на глазах правителя мучительной смертью погибают его сын и дочь: «...вдруг Великого Кудангсы славного дети, сын с дочерью, забились в судорогах, закатили глаза, вращая выпученными белками. В углах губ с шипением запузырилась густая пена. Вскоре после этого, сведенные судорогой, они протянули ноги» [3, с. 20].

Но несчастья правителя на этом не заканчиваются. Вслед за гибелью детей Кудангсы мор обрушивается на домашнюю скотину: «О, беда! О, горе! Лучшие из пасущихся в аласах красавицы-жеребцы, отборные из пасущихся в долинах кобылы гибнут... Бедные жеребцы! Бедные кобылы! В какую страшную беду мы попали!» [Там же].

И, наконец, таинственная и смертельная болезнь в одночасье уносит лучших представителей народа Кудангсы, знаменуя гибель славного рода, конец счастливых времен его правления: «Грянуло третье несчастье – отборные из мужчин, лучшие из женщин, высокая знать Кудангсы начала погибать. Одни корчились в судорогах, словно издыхающий скот, закатили глаза, захрипели и умерли; другие исходили кровью, задыхались, изо всех сил хватили руками воздух, испуская страшные вопли, и умерли» [Там же].

Наконец, четвертая фаза – фаза **преображения**, предполагающая перемену статуса внешнего (социального) или внутреннего (психологического) [6, с. 40]. В отношении героя П. А. Ойунского действует усложненная тройственная фаза преобразования, когда наряду с потерей статуса правителя речь идет об утрате прежнего величия, а также человеческого облика. Кудангса испытывает позднее раскаяние и даже предпринимает робкую попытку получить прощение: «Коль взмолюсь-попрошу я, признав грех-вину свою, то род мой кровный, племя солнечное, знать высокого неба простят ли мне?» [Там же, с. 23].

Участь Кудангсы печальна: он проживет еще много лет в одиночестве и нищете, своими глазами увидит, как один за другим покидают его сородичи, приходят в запустение некогда богатые земли, как рушится вековой уклад жизни, незабываемым оплотом которого был он сам: «*В прежние дни-годы слишком почтившие; слишком возвеличившие, слишком вознесшие Великого Кудангсу, не смевшие заслонить пред ним солнце, не смевшие заступит ему дорогу, говорившие, что предназначен он самим Одун Хааном, разбрелись кто куда, направились к верховьям рек. На Великого Кудангсу всяк смотреть стал как на проклятого, обходить стал, как западню, бояться стал как болезнь смертельную*» [Там же, с. 21].

Одиноким и несчастным, Кудангса переживает физическое и духовное падение: «*...иссякла сила-мощь, улетело-улетучилось богатство несметное, как туман, ослаб ум его, погас огонь в глазах, помутилось сознание, сгорбился, состарился он*» [Там же, с. 22].

Тот, кто некогда поражал своим величием и мощью, стоял во главе целого народа, теперь совершенно опустился, полностью утратил человеческий облик: «*Великий Кудангса – лучший из саха, великий из уранхай, побледнел-похудел, сгорбился-постарел, обносился-истрепался, ютился в углу развалившегося дома, в гнезде из травы, разводил огонь из сучьев, хвороста, ел крыс-мышей...*» [Там же].

В плачевном состоянии находится и его жилище, которое: «*никем не обновляемое, захирело; вздулась, отлепилась обмазка, все заросло горькой полынью. Покрылось плесенью, во все стороны торчал черный, гниющий остов жилища, матицы которого обвалились под тяжестью потолка и догнивали под дождем-снегом. Так родной дом, родной очаг его превратился в развалины, разлетелся в прах, стал пристанищем мышей да пауков*» [Там же].

В конце повествования из «Великого Кудангсы славного» он превращается в «Великого Кудангсу бедного» и так будет называться до конца своих дней.

Наказание Великого Кудангсы состоит также и в том, что после смерти и его тело не получает погребения: «*Вина его в том, что имел он дух могучий, грех его в том, что имел он ум дерзкий, вот и лежит теперь вспухший труп его, оставленный на съедение червям и гнусу*» [Там же, с. 27].

В финале повести тело Кудангсы по небесному повелению подхватили огненные смерчи и развеяли его прах над землей, превратив в «семена смятения и раздора».

Таким образом, развитие сюжетной линии повести-предания П. А. Ойунского «Кудангса Великий» в соответствии с основными этапами фабульной схемы подтверждает тезис о существовании «некой общей четырехфазной модели фабульной организации текста» [6, с. 38]. Исследование произведений национальной, в частности, якутской, литературы на основании классических сюжетных схем позволяет полнее раскрыть, с одной стороны, их общечеловеческий пафос и гуманистическую направленность, с другой – идейно-художественное и национальное своеобразие.

Список литературы

1. Бурцев А. А. Классики и современники: Вершинные явления и избранные лики якутской литературы. Якутск: ООО «Издательство «Сфера», 2013. 448 с.
2. Литературная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/4685/Фабула (дата обращения: 11.03.2015).
3. Ойунский П. А. Кудангса Великий // Полярная звезда. 1991. № 1. С. 3-27.
4. Семенов В. А. Творчество П. А. Ойунского и становление социалистического реализма в якутской советской литературе. Новосибирск: Наука, 1980. 222 с.
5. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1999. 334 с.
6. Тюпа В. И. Анализ художественного текста. М.: Издательский центр «Академия», 2009. 336 с.

PLOT ARRANGEMENT OF THE STORY-LEGEND BY P. A. OYUNSKY “KUDANGSA THE GREAT”

Burtseva Marina Anatol'evna, Ph. D. in Philology
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
donnarosa36912@mail.ru

The article provides plot analysis of the story-legend by the classic of the Yakut literature P. A. Oyunsky “Kudangsa the Great” in accordance with the system of plot development of a literary text. The author consistently identifies the stages of isolation, establishing partnership, ordeal, transfiguration. Using the classical scenarios while investigating the works of the national Yakut literature allows fully disclosing not only their human pathos and humanistic orientation but also ideological and artistic and national originality.

Key words and phrases: plot; story; Yakut literature; story-legend; system of plot development; main character.